

— Этот сценарий написал сын моего наставника. Пять лет над ним работал, а в прошлом году умер от рака, — внезапно заговорил Лу Янь.

Бай Муюнь вскинул на него взгляд.

Кожа Лу Яня была очень бледной, а в холодном свете ламп, заливавшем отдельный кабинет, его черты казались почти размытыми. Муюнь невольно прищурился, вглядываясь в лицо собеседника.

— При жизни он больше всего восхищался вами, учитель Бай. Если бы вы сыграли эту роль, он был бы счастлив. Наставник доверился мне и отдал этот текст. Я не хочу подводить ни того, ни другого.

Лу Янь смотрел прямо и открыто, с той самой безупречной искренностью, на которую Бай Муюнь когда-то покупался раз за разом.

Хуа Ваньцин перевела взгляд на Муюня. Тот оставался внешне безучастным. Он не спеша отхлебнул чай и лишь затем произнес:

— Я слышал, у вас проблемы с финансированием?

— Не хватает совсем немного, но...

— Но стоит мне согласиться, как инвесторы выстроятся в очередь и начнут заваливать проект деньгами, так? — Муюнь усмехнулся. — Знаете, Ся-лаоши, мне не по душе роль «дойной коровы». Если ваш проект не привлекает капитал сам по себе, возможно, стоит задуматься, чего именно ему не хватает.

Ся Эръя слегка нахмурился. Сегодняшний Бай Муюнь казался ему непривычно резким, словно оброс колючками.

Тяжело вздохнув, Ся-лаоши ответил:

— Хоть Лу Янь и взял «Золотой кипарис», для индустрии он всё еще новичок. Большие боссы ему не доверяют. Сяо Бай, вспомни себя после получения первого «Золотого кипариса». Разве каждый режиссер был готов поставить на тебя всё? Ты ведь понимаешь, каково это, когда все вокруг гадают: талант ты или просто случайная вспышка.

— Вы правы, Ся-лаоши. В своё время мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы режиссер Фан заметил меня и пригласил в свою картину. Но ваши инвестиции — это вопрос ваших усилий перед вкладчиками, а не моих заслуг.

— А если мы найдем деньги? — вмешался Лу Янь. — Вы будете с нами сотрудничать?

— Если деньги найдутся, значит, индустрия поверила в проект и в способности режиссера Лу. В таком случае у меня не будет причин отказываться.

Хуа Ваньцин подскочила на месте, недоуменно посмотрев на Муюня. «Мы же договаривались — никакого сотрудничества!» — кричало всё её существо, но Бай Муюнь даже не посмотрел в её сторону.

— Прошу прощения, мне нужно отлучиться.

Бай Муюнь некоторое время сверлил Лу Яня взглядом, прежде чем резко встать и выйти.

В туалетной комнате он открыл кран, вымыл руки и принялся методично вытирать длинные изящные пальцы салфеткой. Посмотрев в зеркало, он увидел вошедшего следом Лу Яня.

— Что ты задумал на этот раз?

— Я хочу, чтобы ты сыграл главную роль в «Рассвете и сумерках», — ответил Лу Янь.

Муюнь развернулся к нему всем корпусом.

— Нет. Это не твоя цель.

Лу Янь промолчал.

— Ты сказал, что я — один из тех, кем восхищался сын твоего учителя. Раз я лишь «один из», значит, я не незаменим. И ты — последний человек, который должен был прийти ко мне с этим предложением. Так чего ты хочешь, Лу Янь?

— Я найду инвесторов, — невпопад ответил тот.

— Я же сказал: тебе не стоило меня искать! Ты забыл, кто мы друг другу?! Как ты представляешь нашу работу на одной площадке?! — Муюнь вскипел. Он схватил Лу Яня за лацканы пиджака и прижал к стене, процедив слова сквозь зубы.

Лу Янь перехватил его запястья, но не пытался вырваться. Он держал его руки осторожно, словно боясь отпустить.

— Ты только что пообещал. Если я найду деньги, ты согласишься. Держи своё слово.

— Лу Янь, ты болен?

Во взгляде Лу Яня, в котором застыло отражение Муюня, на миг отразилась глубокая печаль, но он слабо усмехнулся.

— Считай, что так.

Бай Муюнь опешил. Он разжал пальцы и с нескрываемым сарказмом бросил:

— Ну, тогда удачи.

Когда он ушел, Лу Янь плеснул в лицо холодной водой и долго смотрел на себя в зеркало.

«Лу Янь, ты болен?»

Одинокая слеза скатилась по его щеке. Он улыбнулся собственному отражению и прошептал:

— Да. Болен.

— Неужели чувства взяли верх? — подала голос Хуа Ваньцин, когда они сели в машину. Лицо у неё было кислым.

Бай Муюнь даже не поднял головы от сценария, который продолжал перелистывать.

— Ты думаешь, найти деньги под этот проект так просто? — он хмыкнул. — Дело не только в неопытности команды Лу Яня. Инвесторы — люди прагматичные.

— Знаю, — вздохнула она. — Сценарий касается слишком острых тем. Шансов на то, что цензура его пропустит — процентов сорок. Ни один здравомыслящий делец не вложит сюда ни юаня, не говоря уже о тертых калачах из крупного капитала.

— Раз знаешь, зачем спрашиваешь?

— Затем, что ты мог отказать наотрез! А теперь ты дал надежду. А что, если он совершит чудо?

— Сестра Хуа, ты не представляешь, насколько Лу Янь упрям. Если он что-то вбил себе в голову — или кого-то, — он загрызет любого, но добьётся своего. Просто посмотри на список пропущенных вызовов в своём телефоне.

Хуа Ваньцин поморщилась:

— Это точно. Хотя... мы могли бы его просто заблокировать.

Бай Муюнь лишь покачал головой. «Бесполезно», — подумал он.

Он вспомнил эпизод из старшей школы. Лу Янь тогда мечтал подарить ему на день рождения редкое антикварное издание книги, которое было лишь у одного коллекционера. Чтобы собрать нужную сумму, он тайно ввязался в подпольные бои. Если бы Муюнь вовремя не заподозрил неладное и не вызвал полицию, выследив его, Лу Яня в тот день могли просто забить до смерти.

Ради своей цели этот человек готов был отбросить всё, что обычные люди ценят превыше всего. Его одержимость не знала границ. К тому же... Муюню и самому было чертовски интересно узнать, к чему всё это приведет.

— Если он действительно найдет финансирование, значит, я ему проиграл. В конце концов, сценарий мне и впрямь нравится.

— Ты можешь хоть раз отделить работу от личного?

— Могу.

— Ох, чует моё сердце, наступишь ты на те же грабли...

—...

— Впрочем, ты здесь босс. Был бы ты обычным актером, я бы тебя в унитаз головой окунула, чтоб протрезвел.

Проект, который с вероятностью в шестьдесят процентов мог оказаться «в столе», рискнул бы взять только Бай Муюнь. Но если какой-то безумец всё же решится на вложения...

— Послушай, Муюнь, сейчас в тусовке всякое творится. Особенно среди больших боссов — им порой всё равно, какого пола партнер. Думаешь, Лу Янь мог... ну, ты понимаешь?

— Исключено.

— С его стороны — может и нет. Но на его лицо точно найдутся охотники. Будь я его продюсером, я бы сделала из него звезду первой величины за месяц. С такими-то данными...

Она замолчала, наткнувшись на взгляд Муюня. Тот сидел, нахмурившись, и смотрел с ледяной пронзительностью, от которой Ваньцин невольно поежилась. Обычно мягкий и вежливый, сейчас он выглядел по-настоящему опасным. В шоу-бизнесе знали: Бай Муюня лучше не злить, но теперь Хуа Ваньцин поняла окончательно — когда дело касается Лу Яня, он превращается в ледяную бурю.

— Да я просто предположила, ха-ха... — она неловко потерла нос.

Муюнь отвел взгляд к окну. В душе шевельнулась досада на самого себя: «Всего лишь глупая гипотеза, а я уже из себя выхожу. Никакой выдержки».

Зазвонил телефон. Стоило нажать кнопку ответа, как из динамика посыпался звонкий голос Юнь Чжицю:

— Братик!

— Говори по делу, иначе повешу трубку.

— Бра-а-атик! В воскресенье мой день рождения, ты же не забыл?!

Бай Муюнь промолчал.

— Ты забыл!!! О боже, это слишком подло! Я твои дни рождения помню наизусть! Моё сердце разбито!

— Сейчас понедельник. Ты напомнила мне за неделю. Считаю, что я вспомнил вовремя, — парировал он.

— Хе-хе, ну ладно. Короче, в воскресенье жду тебя в отеле Лайхэ! Ты обязательно должен быть!

— Я пришлю подарок курьером.

— Нет! Ты и так вечно всё пропускаешь! Мои друзья уже смеются надо мной, говорят, что я вру про наше родство. Мне плевать на подарки, мне нужен ты! Братик, ну пожалуйста-а-а... Ну, Юнь-гэ!

Против её таланта выпрашивать устоять было невозможно — родители баловали Чжицю с пеленок.

— Ладно-ладно, буду.

— Ура! Я пришлю точное время позже. Целую, люблю!

После развода Бай Юэ и Юнь Цинцин быстро обзавелись новыми семьями. Чжицю была дочерью матери от второго брака. Раньше Юнь Цинцин почти не интересовалась старшим сыном, и они долго оставались чужими людьми. Лишь когда Муюнь стал взрослым, в ней проснулись материнские чувства и запоздалое раскаяние.

Впервые Муюнь согласился приехать к ним на Новый год, когда ему было двадцать три. Тогда он и встретил Чжицю. С тех пор эта девчонка прилипла к нему как банный лист и вот уже шесть лет не давала покоя, называя братом. В итоге с сестрой у него сложились куда более теплые отношения, чем с матерью.

Вернувшись домой, Бай Муюнь налил себе кофе и сел за компьютер. Звонок Чжицю спугнул вдохновение, и он пытался поймать ускользающую мысль, когда телефон ожил снова. Муюнь уже хотел его выключить, но, увидев имя Чу Цзяньцина, вздохнул и ответил.

— Слушаю.

— Ну что, Юнь-гэ, как свидание с бывшим?

— Прошло несколько дней, ты вовремя спохватился.

— Да я замотался совсем, прости уж грешного, — хохотнул Цзяньцин.

— Ты в аэропорту? Куда намылился? — Муюнь напрягся, услышав на фоне объявления диспетчера.

— К тебе, проветриться. Ну и по работе заскочу. Ты же не выставишь меня? Я уже по твоей гостевой спальне соскучился.

— Иди к черту. Живи в отеле.

— Не ворчи, ты же знаешь, я их терпеть не могу. Мы друзья или кто? У тебя домина огромный, пара дней погоды не сделает, — заявил Цзяньцин тоном, не терпящим возражений.

— Я в сто первый раз спрашиваю: Чу Цзяньцин, ты когда-нибудь купишь себе жилье?

— В столице-то? Я простой музыкант, куда мне до богача-киноимператора. Денежек нет, совсем нет...

— Повтори-ка, у кого тут больше денег?

— Ой, не начинай, а то рассоримся. Всё, не забудь оставить дверь открытой!

— Обязательно. Запру на все замки.

— Эй! Стой, мы же про бывшего не договорили... О, моя посадка! Вечером поболтаем!

—...

<http://bllate.org/book/18159/1752118>